

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.512.142.0

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-206-218

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОРСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПУБЛИЦИСТИКЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ
НАЧАЛА XX ВЕКА: ОЧЕРКИ МИСОСТА АБАЕВА****Т.Ш. БИТТИРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tbittirova@mail.ru*

Т.С. ИЗМАЙЛОВА

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный
центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ЧПОУ «Колледж экономики и права»
386101, Респ. Ингушетия, г. Назрань, ул. Победы, 79
E-mail: tanzila-izm@mail.ru*

Аннотация. Предлагаемая статья представляет собой анализ русскоязычного творческого наследия карачаево-балкарского общественного деятеля Мисоста Абаева, публицистика которого знакомила российского читателя с жизнью горского общества в период его интеграции в Российскую империю, а также содержала исторический экскурс в прошлое народа, рассказывала о его быте, культуре, мировоззрении. Автор останавливается на изучении ряда актуальных тем, раскрытых публицистом в кавказской периодике, на предлагаемых им решениях острых вопросов социального характера. Основные темы публикаций М. Абаева были созвучны идеям северокавказских прогрессивных деятелей рубежа веков, статьи и очерки автора освещали социально-экономические проблемы и запросы общества на обновление культуры через просвещение. Представлены результаты анализа опытов создания М. Абаевым художественных текстов (рассказы «Горская легенда», «У могилы Ислама», некрологе-эссе), где публицист явил еще один аспект своего творчества – яркую индивидуальность рассказчика. Творчество М. Абаева впервые рассматривается в контексте народовольческих идей, распространившихся на Кавказе в последней четверти XIX века, влияние этих идей на состояние горского социума.

Ключевые слова: Мисост Абаев; публицистика; северокавказское просветительство; балкарцы; карачаевцы.

**CONSTRUCTION OF MOUNTAIN REALITIES IN THE RUSSIAN-
LANGUAGE PUBLICIST WRITINGS OF THE KARACHAY-BALKAR
ENLIGHTENERS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY: ESSAYS BY
MISOST ABAEV**

T.Sh. BITTIROVA

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: tbittirova@mail.ru

T.S. IZMAILOVA

*Federal State Budget Scientific Establishment «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

PPEI «College of Economics and Law»

386101, Rep. Ingushetia, Nazran, st. Victory, 79

E-mail: tanzila-izm@mail.ru

Abstract. The proposed article is an analysis of the Russian-language creative heritage of the Karachay-Balkar public figure Misost Abaev, whose publicism introduced the Russian reader to the life of the mountain society during its integration into the Russian Empire, and also contained a historical excursion into the past of the people, told about their life, culture, and worldview. The author focuses on the study of a number of topical topics revealed by the publicist in the Caucasian periodicals, on the solutions he offers to acute social issues. The main topics of M.'s publications Abaev's articles and essays were in tune with the ideas of the North Caucasian progressive figures of the turn of the century, the author's articles and essays covered socio-economic problems and society's requests for the renewal of culture through education. The article presents the results of the analysis of the experiments of M. Abaev's creation of literary texts (stories "Mountain Legend", "At the grave of Islam", obituary-essay), where the publicist revealed another aspect of his work – the bright personality of the narrator. The work of M. Abaev is first considered in the context of popular ideas that spread in the Caucasus in the last quarter of the XIX century, the influence of these ideas on the state of mountain society.

Keywords: Misost Abaev; publicism; North Caucasian enlightenment; Balkars; Karachays.

Русскоязычное творчество карачаево-балкарских публицистов, как наследие и других национальных авторов Северного Кавказа, уже несколько десятилетий входит в круг проблем, интересующих представителей различных гуманитарных наук: истории, литературоведения, философии, социологии, культурологии, социолингвистики. Данный феномен часто рассматривают как факт национальной культуры, несмотря на то, что языком творчества авторами намеренно был выбран русский. Русский язык к концу XIX века стал рабочим языком для органов власти Нальчикского округа. На русском языке начали составляться официальные и частные документы и вскоре на базе русского языка зародилась, названная исследователями просветительской, литература.

Горцы сознательно выбирали русский язык для обучения детей, несмотря на то, что в основной своей массе они были мусульмане: «стремление туземцев к обучению своих детей русскому языку весьма ясно показывает, что они вполне сознали превосходство русской цивилизации, и желание усвоить ее пересиливает даже религиозное предубеждение к русским, как к иноверцам», – подчеркивал один из первых исследователей творчества северокавказских публицистов досоветского периода [Туркаев 1987: 77].

Определяя базисные основы творчества первого русскоязычного ингушского автора, этнографа и публициста Чаха Эльмурзиевича Ахриева, Т. Измайлова подчеркивает главный мировоззренческий аспект его творчества, на чем он строил свои идеологические и творческие принципы: «приобщение ингушей к русской и европейской культуре осуществимо лишь тогда, когда происходит близкое знакомство с особенностями их миропонимания» [Измайлова 2019: 95]. И такое понимание возможно было только при изучении, распространении этой культуры.

Одновременно Ч. Ахриев рассуждает о путях приобщения к русской культур: «Туземцы могут симпатизировать учебным заведениям тогда, когда общий характер их деятельности будет соответствовать местным требованиям. Кроме того, начальные школы не только приносят знания школьникам, но они также «вносят русский элемент в ингушский народ» [Ахриев 2000: 98].

Надо отметить, что к концу XIX века северокавказская публицистика накопила определенный художественный опыт и выработала эстетические критерии жанра этнографического очерка, который стал основным в корпусе публикаций северокавказских авторов начала XX века. Важнейшим архетипом в структуре этнографического очерка было стремление выявить этнические черты народа в сравнении с соседними народами, определить характер их взаимоотношений в так называемый «неисторический период».

Публикации национальных авторов в предписанный период – рубеж XX–XIX века носят ознакомительный характер как для читателей, так и для самих авторов, поскольку они реализовывали в них свой личный опыт восприятия русской культуры. К. Хетагуров, Ш. Ногмов, Д. Шихалиев, А. Казембек, М. Османов, Г. Алкадари, Ч. Ахриев, А. Колиев, А. Базоркин, Б. Шаханов и др. заложили основу новой культурной ситуации, синтезировав в своем творчестве национальные художественные традиции и традиции русской литературы.

Карачаево-балкарская художественная публицистика – порождение новых исторических реалий, когда Балкария и Карачай вошли в состав Российской империи и со второй половины XIX века в них начались активные интеграционные процессы. Первыми публицистами были молодые горцы, как правило дети высшего горского сословия – таубиев (таубий – горский князь), обучавшиеся в аманатских школах при русских крепостях. Это – сыновья известного общественного деятеля Исмаила Мырзакуловича Урусбиева – Сафарали и Науруз, его племянник Ислам Крымшамхалов, Мисост Абаев, Басият Шаханов, Ислам Хубиев и др. Они впоследствии получили образование в средних и высших учебных заведениях России и как публицисты своей целью

ставили знакомство российского читателя с историей, бытом, духовной культурой балкарцев и карачаевцев. Их произведения написаны на русском языке, ибо в тот исторический период, как и у всех народов Северного Кавказа, у балкарцев и карачаевцев не было собственной общенациональной письменности.

Художественная публицистика карачаево-балкарцев интересна с позиций сегодняшнего дня не только кругом проблем, поставленных в них, но и как факт истории национальной культуры. В произведениях русскоязычных публицистов Сафарали и Науруза Урусбиевых, Ислама Крымшамхалова, Мисоста Абаева, Хызыра Халилова, Иммолата Хубиева, Ильяса Байрамукова, Наны Токова, Басията Шаханова, Исмаила Акбаева, Фатимы и Исмаила Абаевых, Ислам Хубиева и др., живших и творивших в конце XIX века – в первой четверти XX, зафиксировано не только их мировоззрение, но и состояние национального художественного сознания.

Письменность и вслед за ней литературный процесс зародились в регионе после установления Советской власти. До этого периода авторские произведения существовали в устной передаче или рукописных книгах – дефтерах, которые имели ограниченный круг читателей [Биттирова 2016]. За редким исключением подобная форма передачи литературных традиций не могла быть эффективной и требовала своего развития.

Только благодаря тому, что карачаево-балкарские деятели светской культуры печатали свои произведения в российской периодике, в фондах библиотек стран СНГ, отчасти в архивах, сохранились газеты и журналы, где опубликованы их статьи, очерки, рассказы, эссе, фрагменты из литературных произведений. Сегодняшний читатель имеет возможность ознакомиться с ними и составить представление об их первых творческих опытах. Большею частью – это публицистика, хотя встречаются и отдельные художественные этюды.

Произведения карачаево-балкарских авторов на русском языке предназначались для русскоязычных читателей, как на Кавказе, так и в других регионах. Таким образом, значительно расширилась аудитория, и это обстоятельство сыграло важную роль в освещении различных сторон жизни народа и постановке социально значимых проблем.

Проблемы, волновавшие карачаево-балкарских публицистов, как ярких представителей просветительства, интересны не только с точки зрения определения их мировоззренческих позиций, но и тем, что во многом не потеряли своей актуальности и через сто лет, ибо они поднимали общегуманистические проблемы, пытаясь найти ответ на многие вопросы современной им действительности. Антитетические категории «добра и зла», «света и тьмы», «свободы и воли», на которые ориентирована была карачаево-балкарская публицистика конца XIX века, являясь непреходящими, позволяют судить об идейной направленности большинства авторских художественных произведений.

Необходимо отметить, что творчество первой плеяды карачаево-балкарских публицистов звучало в унисон северокавказской публицистике той эпохи, но имело свое неповторимое лицо, достаточно самостоятельное, чтобы

говорить о национальной самобытности авторов. Это и идейно-эстетические истоки публицистики, определившие в свою очередь тематику и характер художественного анализа, и отражение повседневной жизни народа, и выбор выразительных средств... Жанр, в котором творили карачаево-балкарские публицисты, можно определить, как художественную публицистику и в частности – этнографический очерк. В этом жанре написано большинство произведений карачаево-балкарских публицистов, хотя встречаются и очерки аналитического характера, небольшие статьи и корреспонденции.

Историк, просветитель, общественный деятель Северного Кавказа последней четверти XIX – начала XX века Мисост Кучукович Абаев широко известен, прежде всего, как автор первого исследования по истории Балкарии – историко-этнографического очерка «Балкария» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 35–122].

Публицистика М. Абаева, ярко отразившая процессы адаптации горского общества к условиям жизни в империи, привлекала внимание дореволюционных историков, этнографов, педагогов начала 20 века широким охватом социальных и этнокультурных проблем, четкой постановкой вопросов, ждущих незамедлительного ответа, предлагаемыми решениями. К его творчеству апеллировали в своих аналитических статьях современные М. Абаеву авторы. Отдельные сведения об общественной деятельности М. Абаева появились на страницах кавказской периодической печати еще в начале XX-го столетия [Кубанец 1906; Кудашев 1913: 233–280]. Представляет большой интерес и сообщение К.А. Сатунина о ценной коллекции М. Абаева по этнографии Карачая и Балкарии, которую он передал Кавказскому музею в Тифлисе [Сатунин 1908]. После установления Советской власти творчество М.К. Абаева было предано забвению на многие десятилетия, к нему стали обращаться лишь с 80-х годов XX века все, кто интересовался карачаево-балкарской историей и этнографией, художественной публицистикой.

В кавказской прессе рубежа веков увидели свет публикации М. Абаева «Наши миротворцы», «Калым и его последствия», «Интересный документ», «Горские школы», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах», «Горцам Северного Кавказа», «Большой вопрос», «Кабарда проснулась», «В погоне за славой и пятачком», «О калыме» и др., в которых дается достоверная картина современной автору действительности. Мисост Абаев относится к плеяде литераторов, чья творческая биография была неразрывно связана с их общественной деятельностью. Данное обстоятельство позволяло быть в курсе задач, стоявших перед первой светской интеллигенцией и необходимость решения которых было очевидна.

В начале своей публикационной деятельности М. Абаев рассказывает о различных фактах из аульной жизни, о тех явлениях, которые представляли бы определенный интерес для любознательного читателя. Представляют интерес его корреспонденции о находке эпитафического памятника в Хуламе («Интересный документ»), о некоторых особенностях обычного права балкарцев («Наши миротворцы», «Калым и его последствия»). Со временем в публицистике М. Абаева на первый план выступают уже не ее «интересные»

детали, а вопросы социального характера. Содержание и идеи статей и очерков М. Абаева характеризуют его самого как просветителя, стоящего на позициях активного народничества, это, в первую очередь – серия статей об аграрных вопросах, посвященная положению безземельных и малоземельных крестьян. Данная направленность творчества была обусловлена, несомненно, и судьбой самого автора. В молодости, обучаясь во Владикавказской гимназии, М. Абаев был увлечен идеями народовольцев, и стал активным членом созданного в 1874 г. «Владикавказского кружка революционных народников». Через два года, привлечаясь по «Тифлисскому делу за революционную пропаганду в Тифлисской и Кутаисской губерниях», но за недостатком улик был освобожден [Деятели... 1929: 1 стб.].

Вторая по важности тема статей М. Абаева – вопросы просвещения. Он постоянно пишет о необходимости открытия начальных школ в аулах, а также сельскохозяйственных школ и училищ в регионе. Почти во всех публикациях М. Абаева в той или иной мере затрагивается тема школьного образования.

Помимо своей публикационной деятельности, М. Абаев, занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, оказал большое практическое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи. Серия статей («Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах»), опубликованных в газете «Кубанские областные ведомости», непосредственно посвящены разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа. «Исправить нравы – уничтожить кражи, разбои, увозы девушек и т. п. – административными мерами и вообще репрессиями невозможно и умиротворить край и, исправить нравы может только одно образование и воспитание...», – писал М. Абаев, размышляя над социальными проблемами народов Северного Кавказа.

Улучшение материального положения горцев, поднятие их общей культуры М. Абаев, как и другие карачаево-балкарские просветители конца XIX – нач. XX вв., представлял через распространение среди них светского образования и приобщение горцев к грамоте. По его мнению, горских мальчиков, получивших начальное образование, необходимо было обучать техническим профессиям, а в дальнейшем стремиться к увеличению студентов-медиков, юристов, учителей, столь необходимых для решения жизненно важных проблем горских народов Северного Кавказа. Прогрессивным для своего времени было и его отношение к женскому образованию, в то время как кавказское общество не одобряло не только просвещение женщин, но и любые проявления ее индивидуальности за пределами домашнего очага. В частности, добиваясь стипендии для одной из четверых своих дочерей, он писал: «... я надеюсь, господа, что Вы, сознавая необходимость учить девочек, так же как и мальчиков, хоть ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных подруг жизни, не то что сделаете исключение, но особенно сочувственно отнесетесь к моему желанию, и я со своей стороны постараюсь и буду принимать все меры, насколько это будет зависеть от меня, чтобы дочь моя, получивши образование, все-таки была

бы скромной горянкой-мусульманкой» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 178–179].

Будучи сам активным публицистом, М. Абаев понимал немаловажное значение освещения в печати «горских аграрных вопросов», как он обозначил основную проблему – проблему малоземелья на Северном Кавказе как итог колонизаторской политики царизма. Он обозначил и круг проблем, связанных с просвещением края и, обращаясь к немногочисленной группе образованных кавказцев, писал: «Как горец, и уже немолодой, я позволю себе обратиться к своим землякам – учителям, фельдшерам и другим грамотным людям с предложением поработать на пользу своих единоверцев и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно побудить к этому и чувство долга, т.к. почти все учились на средства общества, потому в свою очередь обязаны учить не только маленьких детей, но и взрослых» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 158–159].

Главный труд Мисоста Абаева – очерк «Балкария» был опубликован в выходящем в Париже русскоязычном журнале «Мусульманин» в 1910 году и написан на основе опубликованных в 1905 году в газете «Каспий» статей – «Горские аграрные вопросы», «Горский словесный суд», «Горцы Нальчикского округа», «Наделы осетин» [Абаев 1911а: 586–627]. Здесь автором были обобщены высказанные до него исторические взгляды на этногенез балкарцев, их культуру, быт. В нем М. Абаев проанализировал исторические сведения, доступный археографический материал, фольклорные, нарративные, литературные источники, народные предания и дал развернутую оценку современному состоянию балкарского общества.

Особенность очерка и его значимость заключаются в том, что в нем впервые сомкнулось в одно целое история народа с древнейших времен до начала XX века. В авторе очерка «Балкария» балкарская история обрела своего национального историка. Историческая концепция М. Абаева была направлена против представителей официально-охранительного кавказоведения, отвергавших единство исторического развития отдельных народов, и против либерально-буржуазных схем, в которых стиралось своеобразие национальной истории народов. Автор предваряет свой очерк общей характеристикой, в которой отмечает особенности его повседневного бытия: «Горцы – народ очень трудолюбивый, каждый более или менее удобный клочок земли в тущобах и на крутых склонах гор обрабатывается тщательно, очищается от камней, удобряется навозом, который продается корзинами, орошается водою, которая проводится искусственно иногда верст за 10 по висячим желобам, и стоимость десятины такой удобренной земли в продаже доходит нередко до 2 тысяч руб. Ввиду недостаточности удобных мест для посева хлебов народ занимается преимущественно скотоводством, перегоняя скот с места на место, и, в общем, живет сравнительно небедно. Этот народ, несмотря на свою немногочисленность и неудобство занимаемой им земли, сумел сохранить независимость и самостоятельность до покорения Кавказа Россией...» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 36–37].

Перед автором стояла немаловажная задача – рассказать российскому читателю не только об истории народа – о многотрудном процессе выживания в

условиях средневековой военной демократии, позже – в ситуации зарождающихся капиталистических отношениях, об идеологических скрепах, которые помогли сохраниться этносу, о его повседневных заботах, тревогах и надеждах.

В своем обширном исследовании просветитель явил талант и мастерство публициста. Очерк написан увлекательно и в художественном отношении представляет большой интерес, прежде всего, литературными реминисценциями фольклорных текстов. М. Абаев придает им особый смысл и относится как к надежным источникам, когда нет других исторических свидетельств.

Недостаточно исследованным фактом творческой биографии М. Абаева остается его художественное наследие, некоторые страницы которого освещены в двухтомнике «Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начала XX вв.» [Биттирова 1996: 3–10].

Мисост Абаев обладал даром слова, сочинял экспромтом детские сказки и стихи, эпиграммы на друзей и близких, издавал семейный рукописный журнал «Зеркало». Однако ничего из его поэтического творчества не сохранилось кроме нескольких стихотворений в устной передаче. До сегодняшнего дня дошли только те его произведения, которые были напечатаны на страницах российской периодической печати. Их немного: к произведениям, имеющим определенную художественную ценность, можно отнести «Горскую легенду», некролог на смерть Ислама Крымшамхалова и сохраненную в рукописи эссе «У могилы Ислама».

Большое влияние на мировоззрение М. Абаева оказало творчество русских демократов-разночинцев А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова и В. Белинского. Имя и творчество Н. Добролюбова были известны в горской среде еще в 70-е годы XIX века, о чем свидетельствовали И. Иванюков и М. Ковалевский, рассказывая о своих встречах с Исмаилом Мирзакуловичем Урусбиевым в очерке «У подошвы Эльбруса»: «Память у князя феноменальная, – писали авторы очерка, – однажды, беседа с нами о русской литературе, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова» [Вестник... 1886: 94].

Мисост Абаев жил в конце XIX века в слободе Нальчик, с начала XX и до октябрьского переворота – в Екатеринодаре, где служил помощником атамана Баталпашинского отдела. По воспоминаниям потомков Мисоста Абаева, их дом часто посещали толстовцы, художники-передвижники, с которыми балкарский просветитель был в дружеских отношениях на протяжении многих лет. Как и другие прогрессивные деятели Северного Кавказа, М. Абаев в этот период старался вникнуть в неотвратимо надвигающиеся политические процессы, о чем впоследствии писала Л. Аргутинская в романе «Огненный путь», одним из главных героев которого является сын М. Абаева – Исмаил, врач эвакогоспиталя в период 1 мировой войны [Аргутинская 1936].

В творчестве карачаево-балкарских писателей-публицистов мы наблюдаем феноменальное соприкосновение двух художественных систем, ориентированных на разный этнокультурный опыт. Они творят на русском

языке, ориентируясь на традиции русской литературы XIX века и при этом остаются на базе национальной культуры, ориентированной на «восточный культурный канал». Рассказ-притча Мисоста Абаева «Горская легенда» – яркий пример такого соприкосновения. Рассказ написан накануне первой русской революции, в 1903 году и имеет несколько смысловых уровней. Прежде всего, здесь мы слышим отголоски спора среди мусульман о значении мечети. По мнению суфиев, общение с Аллахом не требует торжественных церемоний и специальных обрядов, между верующим и Творцом никого и ничего не должно быть. Здесь и проявление тревожного ожидания революционных событий, которые должны преобразовать горькую участь многих – «правда выйдет из подземелья. Стряхнет оковы свои и рассеет тьму и злобу. И тогда наступят хорошие времена». Правда не может жить в замкнутом пространстве, она должна быть всюду и со всеми, считает публицист. Рассказ отражает идеи своего времени, здесь автор в поисках истины считает константной личную веру, ее незыблемость и свободу от внешних влияний.

Это было не единственное выступление М. Абаева в печати по вопросам религии. До сегодняшнего читателя дошло его письмо в редакцию газеты «Русское Слово». Оно было вызвано публикацией К. Бальмонта в названной газете, где известный поэт позволил себе оскорбительные для мусульман высказывания, назвав Коран книгой, «представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинских» и «созданной из чужих лохмотьев...» [Бальмонт 1910]. Эти и другие сентенции К. Бальмонта оскорбительно трактующие святыню мусульман – Коран и уничижительно характеризующие арабскую культуру, не могли не вызвать протеста среди мусульман России, о чем пишет и М. Абаев в редакцию «Русского Слова». Однако газета не посчитала нужным опубликовать его письмо и поэтому М. Абаев напечатал его в «Мусульманине», назвав свою публикацию «В погоне за славой и пяточком» [Абаев 1910: 235–236].

Некролог, написанный М. Абаевым и опубликованный в журнале «Мусульманин» (издавался в Париже), – «Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова» также можно рассматривать как литературное эссе. Он был посвящен безвременной кончине художника и публициста, общественного деятеля, славного сына Карачая Ислама Крымшамхалова, с которым М. Абаев был в дружеских отношениях. Ислама и Мисоста, очень близких по духу людей, связывала многолетняя дружба, а после женитьбы брата Ислама на старшей дочери М. Абаева – Сафият, и родственные узы.

Автор рассказывает об особой роли творческой среды Петербурга 70–80-х годов XIX века в формировании личности Ислама: «В возрасте 16–17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербург и, служа там в течение 3 лет, самоучкой выучил русский язык и грамоту, и, кроме того, в нем обнаружился художественный талант. Рисовать он начал также без руководителя. Окончив срок службы и произведенный в офицеры, он возвратился домой, где продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения, писал картины с натуры. Любил больше философские произведения и был поклонником Л.Н.Толстого...» [Абаев 1911b: 430].

Творчество Ислама Крымшамхалова, как и М. Абаева, проникнуто глубоко осознанным и бескорыстным стремлением приобщить родной народ к духовной культуре России и при новых цивилизационных обстоятельствах (стремительной смене общественной формации) смягчить неизбежные потери в этнической культуре.

К личности Ислама Крымшамхалова М. Абаев возвращается вновь в рассказе «У могилы Ислама». Горестные чувства автора не затмевают удивительную гармонию природы, она вечна как жизнь: «...последние новые домики небольшого поселения остались позади. Теперь только деревья чернеют под снегом, близко подступили великаны-горы под чистым своим белоснежным покрывалом» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. В небольшом по объему произведении М. Абаев создает поразительно цельную картину единства жизни и смерти, добра и зла: «По дороге медленно движется печальная процессия. Впереди на санях везут тело, за ним верхами едут родные, друзья, односельчане... Сани везут того, кто кончил с этим миром, с его случайными радостями и горем» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. Вслед за Исламом М. Абаев считает непреходящими «доброе отношение друг к другу, общую работу во имя любви». Боль потери, осознание ее невосполнимости заставляют М. Абаева вспомнить то главное, ради которого Ислам жил и боролся, он дает характеристику незаурядной личности в скорбных словах, в словах прощания: «Не прозвучит его смелое горячее слово в защиту правды и справедливости на народном сборе. Не звучать его тихой задумчивой речи о вечной правде, о цели жизни, о призвании человека в жизни, не защемиет тоской его сердце при виде зла, неправды, творимым... Отдохнет Ислам...» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. Но «долгие годы будет приходить еще народ к его могиле, долго будут помнить, что здесь лежит тот, кто в земной своей жизни работал на счастье народа, кто так умел любить родные суровые горы, бедный, темный народ свой с его своеобразными обычаями, с его преданиями, песнями, со славным прошлым и темным, грустным настоящим» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. В этих словах дана оценка не только одному Исламу, но и всем, кто участвовал в деле преобразования горской жизни в последней четверти XIX века, когда народы Северного Кавказа активно стали интегрироваться в Российское общество.

Прозу М. Абаева отличают лаконичность и точность, сознательный отказ от многословия, второстепенных деталей и цветистости речи. Данное обстоятельство было обусловлено его практикой публициста, требующей краткости и конкретики.

Богатый и красочный язык, стремление к анализу и обобщению характерны как известным его статьям, так и различным заявлениям, служебным запискам, склонность М. Абаева к художественному обобщению проявляется даже в административных документах, им составленных.

Процесс культурной конвергенции предполагает участие в нем всех заинтересованных сторон для сближения позиций представителей разных конфессий на платформе общегуманистических принципов, потому и были актуальны выступления на страницах российских газет и журналов

прогрессивных деятелей региона Северного Кавказа по различным проблемам жизни горцев. Они были нужны как самим горцам, так и российскому читателю для ознакомления с реалиями жизни окраины империи.

Творчество и общественная деятельность Мисоста Абаева приходится на период интенсивного развития культуры народов Северного Кавказа, обозначенный литературоведами и культурологами как ренессансный. Он был среди тех, кто своим творчеством определил формирование общественного сознания горцев рубежа веков. И необходимо подчеркнуть, что идеи равенства, братства, просвещения, которыми проникнуты его публицистика и художественное творчество, были навеяны русским демократическим движением 70–80-х годов и гениальными творениями русской литературы XIX века.

«Явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия, языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи», – пишет И. Хугаев, характеризуя сложившуюся ситуацию в осетинской литературе, когда билингвизм авторов стал привычным явлением и не воспринимается как нечто неординарное, что было в начале XX века [Хугаев 2008: 28].

Мисост Абаев был в числе тех, кто делал первые шаги для создания письменного этапа карачаево-балкарской художественной словесности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1911а – *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. – Париж. – 1911. – № 14–17. – С. 586–627.

Абаев 1911б – *Абаев М.К.* И. Крымшамхалов // Мусульманин. – Париж. – 1911. – № 6–7. – С. 430–431.

Абаев 1910 – *Абаев М.К.* В погоне за славой и пятачком // Мусульманин. – Париж. – 1910. – № 4. – С. 235–236.

Аргутинская 1936 – *Аргутинская Л.А.* Огненный путь. – Москва: Молодая гвардия, 1936. – 453 с.

Ахриев 2000 – *Ахриев Ч.Э.* Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Чах Эльмурзиевич Ахриев. Избранное. – Назрань: ЗАО «Полиграфический комбинат», 2000. – 312 с.

Бальмонт 1910 – *Бальмонт К.* Преддверье в Египет // Русское слово. – Москва. – 1910. – № 130. – 9-го июня.

Биттирова 1996 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры начала XX века // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – Том 2. – С. 3–10.

Биттирова Т.Ш., Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – 223 с.

Биттирова 2016 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 240 с.

Вестник 1886 – *Вестник Европы.* – Санкт-Петербург. – 1886. – Т. 1.

Деятели... 1929 – *Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: в 5 т. Т. 2: Семидесятые годы: выпуск 1: А-Е / составлен А.А. Шиловым и М.Г. Карнауховой.* – Москва: [б.и.], 1929. – XXIV с., 406 стб.

Измайлова 2019 – *Измайлова Т.С.* Родоначальник ингушской русскоязычной литературы. Чах Ахриев // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2019. – № 1. – С. 95–104.

Кубанец 1906 – *Кубанец*. Ст. Баталпашинская // Терек. – 1906. – № 114.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типо-Литография «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Сатуниин 1908 – *Сатуниин К.А.* Деятельность этнографического отделения Кавказского музея // Кавказ. – 1908. – № 96.

Туркаев 1897 – *Туркаев Х.В.* Путь к художественной правде: становление реализма в чеченской и ингушской литературах. – Грозный: ЧИКИ, 1987. – 240 с.

Хугаев 2008 – *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008. – 560 с.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya* [Balkaria]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1911. – No. 14–17. P. 586–627. (In Russian)

АБАЕВ М.К. *I. Krymshamkhalov* [I. Krymshamkhalov]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1911. – No. 6–7. – P. 430–431. (In Russian)

АБАЕВ М.К. *V pogone za slavoi i pyatachkom* [In the pursuit of glory and piglet]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1910. – No. 4. – P. 235–236. (In Russian)

АХРИЕВ Ch.E. *Etnograficheskii ocherk ingushskogo naroda s prilozheniem ego skazok i predanii* [Ethnographic essay of the Ingush people with the application of its fairy tales and legends]. IN: *Chakh El'murzievich Akhriev. Izbrannoe* [Chakh Elmurzievich Akhriev. Favorites]. – Nazran': ZAO «Poligraficheskii kombinat», 2000. – 312 p. (In Russian)

АГУТИНСКАЯ L.A. *Ognennyi put'* [The Fiery path]. – M.: Molodaya gvardiya, 1936. – 453 p. (In Russian)

БАЛ'МОНТ К. *Preddver'e v Egipet* [The threshold to Egypt]. IN: *Russkoe slovo*. – Moscow. – 1910. – No. 130. – June 9th. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш. *Karachaevobalkarskaya dukhovnaya literatura: rukopisnoe nasledie* [Karachay-Balkar spiritual literature: handwritten heritage]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 240 p. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш. *Karachaevobalkarskie deyateli kul'tury nachala XX veka* [Karachay-Balkar cultural figures of the early twentieth century]. IN: *Karachaevobalkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. Izbrannoe v dvukh tomakh* [Karachay-Balkar cultural figures of the late XIX – early XX century. Favorites in two volumes]. – Nalchik: El'brus, 1996. – Vol. 2. – P. 3–10. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш., САБАНЧИЕВ Kh.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publitsist, obshchestvennyi deyatel'* [Misost Abayev: historian, publicist, public figure]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2017. – 223 p. (In Russian)

Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Bibliograficheskii slovar': v 5 t. T. 2: Semidesyatye gody: vypusk 1: A-E / sostavlennyye A.A. Shilovym i M.G. Karnaukhovoi [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bibliographic dictionary: in 5 volumes. Vol. 2: Seventies: issue 1: A-E / compiled by A.A. Shilov and M.G. Karnaukhova]. – Moscow: [w.p.], 1929. – XXIV p., 406 columns. (In Russian)

ИЗМАЙЛОВА Т.С. *Rodonachal'nik ingushskoi russkoyazychnoi literatur. Chakh Akhriev* [The ancestor of the Ingush Russian-language literature. Chakh Akhriev]. IN: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch.E. Akhrieva*. – 2019. – No. 1. – P. 95–104. (In Russian)

ХУГАЕВ И.С. *Genезis i razvitie russkoyazychnoi osetinskoй literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. – Vladikavkaz: Ir, 2008. – 560 p. (In Russian)

KUBANETS. *St. Batalpashinskaya* [St. Batalpashinskaya]. IN: *Terek*. – 1906. – No. 114. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical data about the Kabardian people]. – Kiev: Tipo-Litografiya «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 p. (In Russian)

SATUNIN K.A. *Deyatel'nost' etnograficheskogo otdeleniya Kavkazskogo muzeya* [Activity of the ethnographic department of the Caucasian Museum]. IN: *Kavkaz*. – 1908. – No. 96. (In Russian)

TURKAEV Kh.V. *Put' k khudozhestvennoi pravde: stanovlenie realizma v chechenskoj i ingushskoj literaturakh* [The path to Artistic truth: the formation of realism in the Chechen and Ingush literatures]. – Grozny: ChIKI, 1987. – 240 p. (In Russian)

Vestnik Evropy. – Sankt-Petersburg. – 1886. – Vol. 1. (In Russian)